

Исток и движущие силы развития

Исходные вопросы

Тема движущих сил развития является ключевой для всех периодизаций онтогенеза. В отечественной психологии ключевые положения о движущих силах, источнике и условиях развития представлены в книге Д.Б.Эльконина «Детская психология», вышедшей в 1960 году. Это положения о ведущей деятельности как движущей силе развития ребенка, среде – носителе идеальных форм (культурных норм) – как источнике развития и уровне соматической организации ребенка как условия развития [13, с. 16 – 19]. В дальнейшем, разработав известную периодизацию онтогенеза, Д.Б.Эльконин дополнил свое представление о движущих силах развития. Он утверждал, что движущей силой развертывания деятельности, а, следовательно, и движущей силой развития является *расхождение* (несоответствие, противоречие) мотивационно-смыслового и операционно-технического аспектов действия, т.е. рассогласованность, проблемность отношения между смыслом и способом действия.

Положение о сущностной противоречивости смысла и способа действия требует уточнения вопроса о движущих силах развития. Этот вопрос можно понимать двояко. Во-первых, речь идет об основаниях возникновения психических новообразований и, соответственно, о возникновении нового видения мира. Все представители школы Выготского и не только они разрабатывали эту сторону вопроса. Другая трактовка того же вопроса – его понимание как вопроса о причинах возникновения самого *шага* развития, как вопроса о том почему при достижении некоей ключевой точки процесс развития не останавливается, не превращается в функционирование по уже готовым схемам, а, наоборот, развертывается дальше. Вопрос не снимается в указании на культурную программу как заданную последовательность этапов взросления. Не снимается в той мере, в какой речь идет именно о развитии, а не о последовательной адаптации к внешне заданным образцам поведения.

Мне думается, что положение о необходимом расхождении смысла и способа действия, является ключевым при ответе на вопрос о движущих силах в его *второй* трактовке, ключевым для понимания того, **каким образом возникает шаг развития**.

Исходные установки

1. *Постановка вопроса о смысле.* Для меня вопрос не в том, *что* есть смысл, не в том, какое представление «ведет» индивида (или группу), а в том, *как* смысл **есть**, т.е. в том, в каких феноменах выполняется Событие смысла и в том, как человек вовлекается в это событие.
2. *Постановка вопроса о предмете освоения.* В практике развития исходным объектом освоения является не «культурный образец», а сама форма Действия. Исходно и в сущности ребенок осваивает действенную форму активности, а не отдельные культурные образцы посредством этой действенной формы. Освоение действия не сводится к уподоблению предметной форме образца действия. Основная проблема освоения формы действия в том, что эта форма не пред-ставима и не по-ставима вне вовлечения в развертывание действия. В этом вовлечении образец должен выступить как средство, а не как объект освоения. Опосредствование завершается не усвоением образца, а использованием его значения (например, значения границы «так» и «не так») в ситуации, превосходящей ситуацию его задания [12]. Рассогласование смысла и способа относится к

порождению действенно организованной активности, а не к уподоблению тому или иному «культурному экземпляру».

3. *Постановка вопроса о самом освоении.* В практиках развития освоение означает порождение своего в его отличии от усвоения внешне привнесенного. «Свойскость» в ее отличии от привнесенности есть экзистенциальное условие «пребывания» в развитии.
4. *Постановка вопроса об условиях возможности действия.* «Свойскость» есть, живет как «чувство собственной активности порождения» [3], т.е. как телесная ощутимость действия. Активность вне ее ощутимости является, скорее, признаком деградации, чем развития.

Исток субъектности

Чувство собственной активности – внутреннее чувство, связанное с *претерпеванием* собственной активности. Оно возникает в *ритме* действования, на *переходах* усилий (телесных напряжений), т.е., в пределе, на переходах усилие-не усилие и не усилие-усилие [11]. Здесь необходимо подчеркнуть, что я имею в виду претерпевание именно *собственной* активности. Однако ведь, вовсе не дано, что на телесности индивида «встретятся» его претерпевание и его активность. Не дано то, что претерпевание будет активным, и индивид будет претерпевать именно свое действие, т.е. не окажется объектом, претерпевающим внешние ему воздействия. Тем самым, не дано и то, что претерпевание будет отображено в некоем преобразовании и образ поля этого преобразования окажется образом (экраном) претерпевания и «пробным телом» само-чувствия. Если не окажется, то и самочувствие будет локально-точечным, мгновенным и не воссоздаваемым.

Поле встречи активности и претерпевания – ключевая точка субъективации активности и Исток превращения субъективности в субъектность.

Субъектность и условия ее возникновения – суть слова, обозначающие основное направление, ось и мотив развертывания исследований и практик развития в школе Л.С.Выготского.

Для самого Л.С.Выготского опосредствование – построение означивания ситуации поведения – это всеобщая форма преодоления *стимульных* отношений со средой, т.е. стимульной формы воздействия на индивида и управления его поведением. Стимулы, раздражители по природе своего действия не оставляют места той активности, в которой воссоздается и опробуется прочувствование телесности.

Для А.Н.Леонтьева главным превращением, характеризующим возникновение психики, является превращение стимула в *предмет*, которое и задает переход к ощущению. Именно это превращение А.Н.Леонтьев воссоздавал в своих экспериментальных работах [7].

Для А.В.Запорожца условием возникновения произвольного движения является его превращение из неощущаемого в ощущаемое. Это превращение также экспериментально воссоздано [6].

Эксперименты, проводившиеся под руководством А.Н.Леонтьева и под руководством А.В.Запорожца (шедшие параллельно в конце 50-х годов прошлого века, но так и не сопоставленные друг с другом [6, с. 52 - 90], [7, с. 161 - 218]), выявляли две стороны одного и того же акта.

А.В.Запорожец, изучая ощущение собственного движения, моделировал его, задавая своеобразное экранирование ритма глубокой чувствительности (вегетативного ритма), т.е. его видимое отображение, и показывал, что чувство собственного движения возникает в пробах такого экранирования.

А.Н.Леонтьев, не занимаясь открыто чувством собственного движения, тем не менее показывал, что, например, звуковысотное различие (слышание) возникает в случаях, когда опробуется и воссоздается отображение слышимого в специальном голосовом или, даже, тактильном интонировании. Подобное опробование и воссоздание А.Н.Леонтьев называл уподоблением действия предмету. Так была введена категория *предметности*. Важно то, что, в данном случае, «предмет» отображает, экранирует и, тем самым, объективирует и удерживает неявное и лабильное чувство. Важно и то, что сам этот «предмет» не дан, а должен быть обнаружен и воссоздан в специальных пробах.

Две стороны акта, который изучался, суть: обнаружение и воссоздание отображенного внутреннего усилия (А.В.Запорожец) и обнаружение и воссоздание того отображения (образа), в котором становится явленным некое внутреннее усилие (А.Н.Леонтьев). Внутреннее уподобление (проигрывание) и внешне-действенное построение его (именно его) образа – таковы два искомых совокупного действия, в котором «встречаются» претерпевание и активность. Надо отметить специально, что встреча активности и претерпевания, понятая как порождение их *взаимоотображения*, осуществима лишь в совокупном действии [14], [11, с. 211 - 215].

В совокупном действии должны порождаться ситуация и пространство, в которых телесность и образ находятся в режиме взаимоопробования и в которых рождается игра с их обратимостью. Можно сказать, что в таких пространствах *моделируется* взаимность претерпевания и активности как взаимность телесности и ее образа. Однако же, подобное пространство строится не как «головная схема», а как «живая модель», концентрат жизненных событий. Здесь модель не отрешена от жизненной реальности, а, наоборот, концентрирует реальность, открывая в ней самой сокрытую полноту и истинность [9], [10]. Онтогенез можно представить как ритмическую смену подобных моделей и «игровых площадок» - *ритм разворачивания Событий воссоздания Истока Субъектности*. В таком представлении делается ясной догадка Д.Б.Эльконина о существе психики. В своих научных дневниках Д.Б.Эльконин записал: «Суть, смысл [подчеркнуто автором – Б.Э.] психической деятельности заключается не в том, что она происходит во внутреннем плане, а в том, что она есть деятельность, осуществляющая определенную функцию – действие в действительности через модель. В этом суть дела. Надо понять саму психическую деятельность как внешнюю. Это единственный путь ее изучения».

Движущие силы развития – суть те сущностные силы, посредством которых систематически воссоздаются жизненные модели – события встречи активности и претерпевания.

Двойственность освоения

Уже говорилось, что модель, в которой воссоздается взаимность активности и претерпевания строится в специальном совокупном действии. В других работах я называю это действие *посредническим* и полагаю, что оно имеет форму *пробно-продуктивного действия*. Посредничество, выполненное как пробно-продуктивное действие является

Идеальной Формой, Эйдосом действия. А если так, то именно его освоение-моделирование задает ритм развития. Как уже говорилось, действие в своей полноте не может быть пред-ставлено и предо-ставлено. Его освоение предполагает включение в его произведение, нахождение в нем, в его разворачивании, а не лишь перед ним. В таком освоении действия свое - есть занятие места в Море, определение *своего в Море*.

В освоении действия как освоении Мира, есть две фокусировки и два завершения. Во-первых, завершение освоения в построении индивидуального действия и, во-вторых, его завершение в построении совместного, совокупного действия [11, с.211 - 215]. В разных завершениях посреднического действия выступают разные аспекты самого освоения – разные аспекты «своего». Во-первых, действие строится как освоение *собой* Мира или, точнее, как освоение определенных средств (телесных и внешних) освоения Мира. Здесь Мир делается своим – чувствуемым, видимым и сказуемым. Во-вторых, и это очень важно, Мир осваивается в том смысле, что сам индивид *делается своим Миром*, становится **утвержденным** Миром как Свой. Этот второй аспект освоения в работах самого Л.С.Выготского и его последователей лишь допускался, но не эксплицировался. А ведь личность – Лицо и Имя – возникает лишь здесь, в *утверждении кого-то как источника действия*. Например, я не смог бы *начать* писать эту работу, если бы не был *признан*, утвержден как один из «игроков на поле» культурно-исторической психологии, т.е. не был бы *принят* в их «команду». Однако, когда я пишу эту работу и осваиваю или переосваиваю схемы культурно-исторической психологии, понимаю, что работа *завершится*, состоится, когда принятие и признание будет воссоздано, заново утверждена моя способность быть «игроком» на этом поле, т.е. «быть в...». Простой акт общения также имеет эти две стороны: глядя на другого человека, как бы «ощупывая» и осваивая его, я одновременно, в выразительности акцентов своего ощупывания подставляюсь *под его взгляд*, делаю себя претерпевающим его взгляд и им видимым.

Всякий продукт и произведение, в том числе и облик человека как произведение, двояко установлены, направлены и завершены: на освоение собой иного и на освоение себя иным. В этой двоякости и никогда наперед не заданности меры взаимности двух сторон освоения лежит интрига Своего.

Связывая сказанное в этом параграфе с содержанием предыдущего, надо заметить и отметить, что взаимность активности и претерпевания модельно разыгрывается как *переход, преобразование* претерпевания в активность и активности в претерпевание. Первое строится как особое обращение – *вызов утверждения* вхождения в активность и ее завершения. Здесь появляется Свой-Другой. Второе строится как введение опор-границ активности, порождение ее шага и ритма [12]. Здесь возникает чувствуемое претерпевание собственного усилия и появляется Своя телесность.

Смысл и способ действия

Перед тем как дать гипотетический ответ на основной вопрос статьи – вопрос о том, *что и каким образом* диктует воссоздание Истока Субъектности – уместно тезисно повторить положения об устройстве самого Истока.

1. Субъектность есть Событие Бытия, задающее место человека в Море.
2. Феномен занятия места в мире включает в себя связность активности и претерпевания.

3. В связности активности и претерпевания порождается экзистенциальное основание возможности действия – чувство себя.
4. Связность активности и претерпевания строится в форме освоения действия.
5. Освоение действия двулико и имеет два задания. Во-первых, это освоение субъектом Мира. Во-вторых – это освоение Миром субъектности.
6. Освоение Миром субъектности есть утверждение перехода от претерпевания к активности, утверждение преобразования претерпевания в активность. Освоение субъектом Мира есть преобразование активности в ее чувствуемое претерпевание.
7. В онтогенезе оба типа освоения испытываются и опробуются на специальных жизненных моделях. Движущие силы развития – посреднические действия, в которых воссоздаются и преобразуются эти модели.

Все нижесказанное подводит к тому, что та реальность, которую Д.Б.Эльконин определял как освоение мотивационно-смыслового аспекта действия, выступает как переход от претерпевания к активности (в лексиконе Л.С.Выготского – преодоление претерпевания в активности) и имеет форму *вызова утверждения субъектности*. Утверждение и вызов суть практики смысла действия [16], практики обращения к образу-идее деяния. То, что называлось мотивом феноменально осуществляется как образ порыва и прорыва в активность и как образ полноты завершения ее фрагмента, полноты свершенного. Смысл и мотив обыгрываются в моделях «входа» в активность (в бодрствование, в стремление, в волевое отношение) и удерживаются в обликах героя (подвига) или облике любящего (улыбки, ласки и пр.).

Суть реконструкции понимания мотивационно-смыслового аспекта действия в том, что смысл и мотив поняты не как уже опредмеченная энергия – предмет извне действия, задающий его выполнение. Они поняты практически-действенно – как образы топки [11, с. 45 - 54] и энергии поля перехода – образы События.

Понимание операционно-технического аспекта действия тоже должно быть реконструировано. Эту реконструкцию начал сам Д.Б.Эльконин, включая в овладение способом действия освоение значения образца и построение ребенком собственного образа действия [14, с. 130 - 141], и ее надо продолжить.

Во-первых, способ действия не одномерен, а трехмерен и включает в себя прочувствование и опробование опор, опробование ситуации (поля) и опробование направления действия [11, с. 233 - 252],[5]. Переходы уровней (между опорами полем, и направлением) задают полноту способа действия.

Во-вторых, само возникновение новых уровней в способе действия возможно лишь при погружении образцов-опор действованию в *стихию* некоего продвижения (например, в стихию ходьбы или стихию смыслопорождения в речи) [12]. Лишь в такой стихии строится ритм действия. В ней же необходимо возникает сопричастное энергии стихии стремление, которое сливается с самим действованием.

В-третьих, освоение способа на уровне построения *своей* ситуации и поля действия предполагает разделение «моего действия» и «действия мной» - предполагает

индивидуализацию действия и эмансипацию от персоны, управляющей действованием. Здесь появляется поле действия как поле совместности (часто конфликтной) [12]. Именно основания построения этого поля и основания стремительности его расширения станут предметом последующего кризиса. Говоря точнее, не процедурно-техническое определение ориентиров действия входит в противоречие с его «мотивационно-смысловым» аспектом. В противоречие с ним входит ситуационно-полевой модус способа действия – непосредственно-эгоцентричное расширение поля и построение новых ситуаций как *своих*. Именно в этой «точке» Мир в лице Других требует заново утвердить «право» на действие-стремление, как бы спрашивая: «Кто *ты* такой, чтобы стремиться, как ты *можешь* быть источником своего движения?».

В анализе способа действия была упущена стихия движения, в сопричастности которой возникает действие-стремление и становление поля действия. В анализе мотивационно-смыслового аспекта действия была упущена энергетически-действенная и соответствующая ей пространственно-топическая форма феноменов (интенциональности) смысла и мотива – упущен *вызов утверждения субъектности*, утверждения индивида как источника действия, т.е. индивида как «Я».

Думаю, что указанные упущения имеют не столько «индивидуально-мыслительную» («Учителя не додумали»), сколько культурно-историческую подоплеку. Форма культуры и форма ее трансляции на всех своих уровнях и на их переходах предполагали заданную субординацию готовых, экзemplарно представленных культурных образцов. В «области воспитания» предполагалась выделенность и прямая транслируемость норм как «смыслов» – того, ради каких «ценностей» надо действовать, а в «области обучения» не предполагалось (и ныне не предполагается) вовлеченности в стихию продвижения и выращивания поля действия. В таком типе культуры освоение способа и освоение смысла действия действительно параллельны и освоение места в Мире имеет превращенную форму адаптации к разным рядам нормативных предписаний. Положения Д.Б.Эльконина о смысле и способе как связанных аспектах действия и обретении посредством такого действия места в обществе – начало проекта новой культуры.

Движущие силы развития

Приведенные в предыдущем параграфе уточнения понимания смысла и способа действия позволяют перейти к представлению о движущих силах развития. Напомню, что рассматриваются те «силы», посредством которых воссоздаются модели опробования способа или смысла действия. Напомню также, что рассматриваются «силы», задающие само продвижение, шаг развития.

Вопрос, на который предстоит ответить, это вопрос о том, каким образом разыгрывание модели одного типа (например, модели освоения смысла) приводит к задаче развертывания модели другого типа. Таким образом, вопрос о движущих силах сводится к вопросу о том, каким образом одна модель запускает развертывание другой.

Важно подчеркнуть, что в этой постановке вопроса исследование и анализ должны переходить в саму «точку» отображения одной модели в другую, «точку»

возникновения материи нового действия, а не оставаться в рассмотрении развития *post festum*, в той точке, где новая модель уже возникла и разыгрывается.

Важно и еще одно примечание. Для того, чтобы вести разговор о движущих силах в соответствии с заданными требованиями, необходимо находить те функциональные системы, которые, будучи запущенными, способны к дальнейшему *саморазвертыванию*, т.е. те, которые требуют обустройства возможностей, а не специального формирования.

На данный момент я могу рассмотреть отображение одной модели в развертывание другой лишь на двух возрастах – младенчестве и раннем детстве, составляющих эпоху, которую Д.Б.Эльконин назвал эпохой младенчества.

Непосредственно-эмоциональное общение ребенка и взрослого в первом полугодии жизни ребенка представлено кругом широко известных и обсуждаемых явлений. Основной феномен – возникновение, удерживание, а в дальнейшем разыгрывание сначала улыбки на лицо, а далее и бурной радости на появление взрослого. Пространство эмоционального контакта последовательно расширяется – увеличивается «контактное» расстояние, возникает прослеживание ухода и прихода взрослого в «круг» общения и увеличиваются, связанные с этим, углы поворотов головы и тела ребенка.

Важно подчеркнуть, что во взаимности ребенка и взрослого нет и не может быть разделения *активации* и *активности*, т.е. различия состояния активности и самой активности (движения). Этого различия нет не только потому, что ребенок еще маленький, но, и это главное, потому, что сама модель непосредственно-эмоционального общения, его природа предполагает неразличенность состояния и движения. В этой неразличенности движение есть *выражение* состояния. Все есть жест. Различение состояния и его выражения в любви или ненависти в тот же момент окажется не самой любовью или ненавистью, а их сценической тренировкой. Неразличенность активации и активности, состояния и движения, а, соответственно, и жеста и движения, установки и движения – *положительные* характеристики динамического поля непосредственной эмоциональности.

В телесности ребенка поддержанная слитность активации и активности отражается слитностью перцепции и движения, сенсорики и моторики. Ребенок видит взрослого все дальше и поворачивает тело и голову все больше и бьет рекорды этих «дальше» и «больше», расширяет телесное поле именно в силу непосредственной сенсо-моторной связности.

По опыту и данным Б.А.Архипова [1, 2] увеличение углов поворотов глаз и тела симметрично отображается в другие телесные «отделы» и запускает формирование новой телесной оси, ее поля и опор, т.е. функциональных систем позы и передвижения.

У ползающего и начинающего ходить ребенка видение и движение еще не разделены и в самом движении не разделены его тоническое и кинетическое начала. Ребенок находится в **стихии** движения, куда лишь в случае неприятных казусов мимолетно включаются элементы управления. Вот эти казусы и становятся предметом

специальной заботы взрослого. Меняется ситуация общения, тип его вызова. Взрослый входит в ситуацию *охранения* ребенка, т.е. в ситуацию замыкания его активности в определенные границы (эту ситуацию можно назвать «экзистенциальной ситуацией развития», отличив ее, тем самым, от «социальной ситуации»). Именно здесь, в этой ситуации – место освоения ребенком опор активности, т.е. место передачи ему образцов действия. Именно *действия*, поскольку образец в своем значении границы между «можно» и «нельзя», «так» и «не так» задает опоры и ориентиры *управления* активностью и ту или иную форму ее фрагментации и завершения. В качестве границ образец задает искусственные опоры как усилители естественных и, тем самым, требует разделения опоры и движения, а, следовательно – образа и действования, что и приводит к разделению единого сенсо-моторного поля. Разделение сенсо-моторного поля приводит к выделению тонико-кинетического перехода (в образе опоры) и его воссозданию. Появляется шаг и ритм движения и вместе с ним чувство собственного усилия.

Как уже говорилось, важно, что образцы полно и осмысленно включаются в детскую жизнь, т.е. опосредствование обретает полноту, лишь будучи погруженным в стихию – энергию разворачивания скрытого порядка движения. Погруженными затем, чтобы открыть этот скрытый дотоле порядок – ритм движения в связи с композицией его пространства, места опор-ориентиров движения [12].

Так одна модель (ведущая деятельность) законосообразно переходит в другую. Переходит постольку, поскольку в качестве своего *побочного продукта* [8] запускает саморазвитие, стихийное становление некоей иной функциональной системы. Саморазворачивание, расширение поля «работы» этой новой функциональной системы «захватывает» само поле ее зарождения и ставит в нем новые задачи, приводя к рождению новой модели опробования и испытания субъектности. *Лишь в случае зарождения стихии становления телесности внутри непосредственно-эмоционального общения можно утверждать, что непосредственно-эмоциональное общение является движущей силой развития.* Обобщая сказанное в языке Л.С.Выготского, можно утверждать, что *лишь та культурная форма поведения является движущей силой развития, внутри которой зарождается и становится новая натуральная форма* – новый предмет последующего моделирования и освоения. В разобранный пример в освоении себя Миром зарождается упругий материал для освоения Мира собой.

В зарождении и становлении нового предмета освоения надо приметить и отметить положительную роль некоторых неразличностей: слитность активации и активности (состояния и выражения), задающую непосредственность общения и отражающуюся в слитность сенсорного и моторного начал активности – в ее непосредственность.

Другой пример возрастного перехода, понятого как переход моделей субъектности – это переход от раннего к дошкольному возрасту, от освоения образцов телесного действия к ролевой игре. Я уже касался некоторых сторон этого перехода и поэтому опишу его тезисно.

Еще раз подчеркну важность понимания того, что опосредствование – передача образцов – не завершается формированием отдельных культурных навыков, а

обретает свою полноту, будучи включенной в управление стихией движения, в обретение ею ритма и меры, т.е. шага.

Сопричастность стихии движения есть устремление. Ритмизация этой стихии есть воссоздание стремления, воссоздание в телесности собственной энергии движения. При этом устремленность движения ребенка не отделена от образа поля движения, не «живет» иначе, чем в образах фрагментов поля, «влита» в него. Феномены такой «влитости» и называлась «полевым поведением». Действие, энергия которого существует как «предметная тяга» - это действие-стремление. В этом действие «хочу» еще не выделено, не обыграно как особое состояние и не отделено от «могу». Ребенок живет в этом «могу-хочу», т.е. живет в непосредственно демиургическом отношении к миру.

Именно здесь, в отношении наивной демиургичности действия-стремления возникают казусы, ставящие ее под вопрос. Это могут быть громыхающие машины, страшные прохожие, лифт или самолет, а может быть просто папин или мамин запрет подходить к компьютеру или к ним, когда они работают. Возникают ситуации и явления, которые Л.С.Выготский называл «нереализуемыми тенденциями». В пределах действия-стремления эти ситуации неразрешимы и, чаще всего, оборачиваются тревогами и страхами.

Детская ролевая игра – это модель прочувствования, опробования и испытания самого *события стремления*. Модель испытания стремления в образе невозможного по силе усилия, т.е. в образе Героя и Подвига. В этой новой модели ребенок инициирует и испытывает *утверждение себя другими как могущего*, как имеющего в себе источник своих стремлений. В игре стремления и желания осваиваются.

Но всего сказанного не случится, если освоение образцов телесного действия не пробудит и не усилит стихию предметной устремленности и пространственной экспансии.

И снова: опосредствование, *преодоление натурального в культурном* станет движущей силой развития лишь в случае порождения нового натурального, нового стихийного как своего побочного продукта. И это новое стихийное спровоцирует ситуации и задачи, разрешение которых потребует разыгрывания новой модели субъектности и новой модели Своего. В данном случае, Игры как модели освоения стремлений-порывов.

Литература

1. Архипов Б.А. Формирование пространства и схемы тела в онтогенезе. Рукопись
2. Архипов Б.А., Максимова Е.В., Семенова Н.Е. Уровень тонической регуляции как основа формирования психики ребенка. Ж. «Психотерапия», №5, 2010. С. 24 – 33
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975
4. Выготский Л.С. Собр. Соч. в 6-и тт. М., 1982 – 1984

5. Егорова А.А. Феномены построения способа действия. Ж. «Культурно-историческая психология», №1, 2009. С 96 – 102
6. Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М., 1960
7. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981
8. Пономарев Я.А. Психика и интуиция. М., 1967
9. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М., 2005
10. Хайдеггер М. Семинар в Ле Торе, 1969. Ж. «Вопросы философии», №10, 1992. С. 123 – 151
11. Эльконин Б.Д. Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск, 2010
12. Эльконин Б.Д. Пространство опосредствования и развитие. Ж. «Антропологический журнал», 2010.
13. Эльконин Д.Б. Детская психология. М., 1960
14. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989
15. Эльконин Д.Б. Выдержки из научных дневников. Ж. «Вопросы психологии», №1, 2004. С. 9 – 22
16. Эльконинова Л.И. О единице сюжетно-ролевой игры. Ж. «Вопросы психологии», №1, 2004. С. 68 - 79

